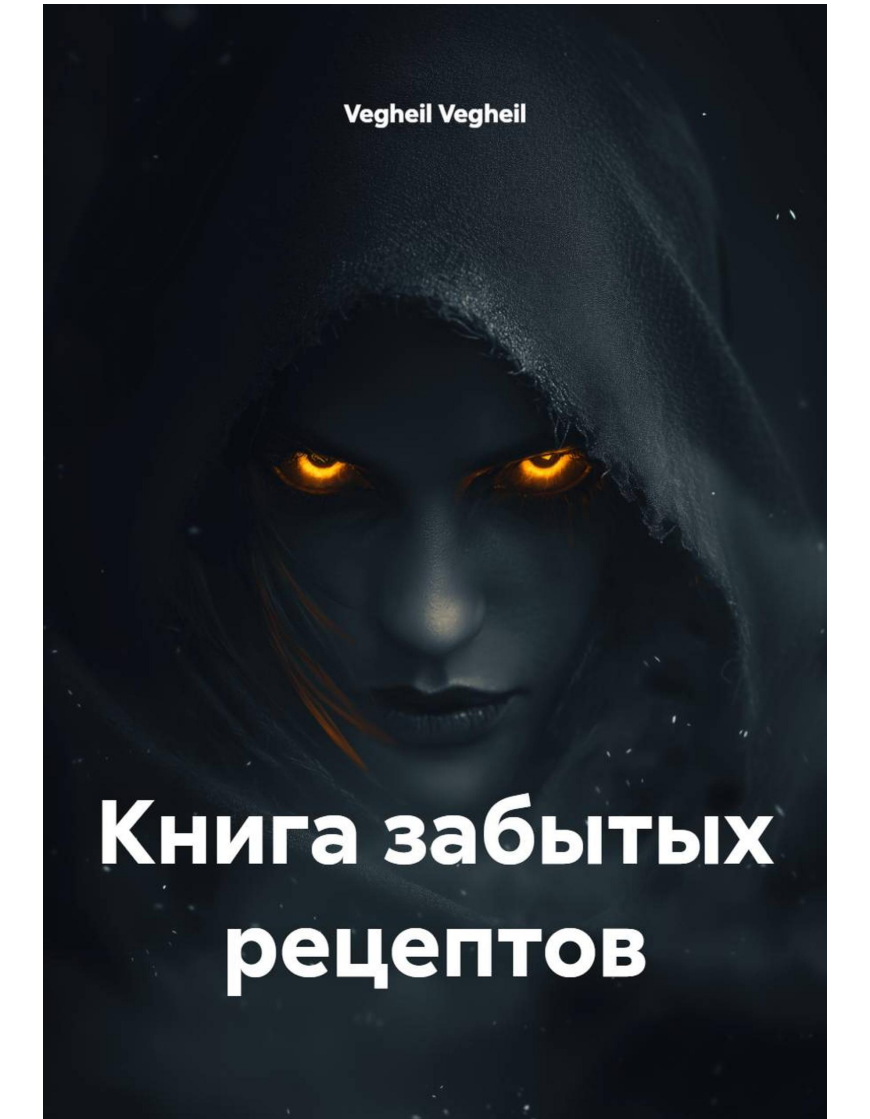

Vegheil Vegheil

Книга забытых рецептов

Vegheil Vegheil

Книга забытых рецептов

<https://litres.ru/74479672>

SelfPub; 2026

Аннотация

Вторая повариха замка герцога, Элис, скрывает страшную тайну: она полукровка, а за магию здесь жгут на кострах. Её мать сожгли. Она сама чудом выжила. Она прячется за фартуком, за мукой, за молчанием.

Всё меняется, когда она находит в подвале старый гримуар — книгу, которая ждала её. Рецепты в ней исполняют желания. Но каждый требует плату. Страх, ложь, слёзы, правда — она вплетает их в тесто. И каждый раз остаётся «привкус», который растёт. Тени, которые следуют за ней. Узор на ладони, который не исчезает.

Герцог замечает изменения. Он переводит Элис в личные поварихи — не только потому, что подозревает: она не та, кем кажется. Но и потому, что боится. Он тоже ищет союзника.

Когда слуги начинают умирать от сонной болезни, Элис должна выбрать: спасти невинных, рискуя жизнью, или сохранить анонимность.

Она выбирает правду. Но цена — её собственная тайна.

Содержание

Глава 1. Утро, которое ничего не обещало.	4
Глава 2. Гримуар, который нельзя было открывать.	11
Глава 3. Первая кровь и первый заказ.	16
Глава 4. Кухня как шпионский пост.	19
Глава 5. Пирог, который открывает рты.	22
Конец ознакомительного фрагмента.	25

Vegheil Vegheil

Книга забытых рецептов

Глава 1. Утро, которое ничего не обещало.

Запах хлеба разбудил Элис за пять минут до колокольчика.

Она лежала в темноте спальни для прислуги, глядя в потолок. Тепло от печи поднималось сквозь каменный пол, просачивалось сквозь тонкий тюфяк и касалось спины. Сладковатый, маслянистый аромат уже просочился в комнату, смешиваясь с запахом старой шерсти, сырой извёстки и кисловатой плесени, въевшейся в стены.

Откуда берётся эта кислинка? Она просто присутствовала каждое утро, как напоминание: ты здесь не гостя, не хозяйка — просто ещё одна пара рук.

Она села, свесила босые ноги с топчана. Пол ледяной — зимний камень не прогревался даже у печи. Она натянула грубые башмаки на толстой подошве, накинула фартук поверх ночной рубашки. Колокольчик на кухне молчал. Она опередила его. Маленькая победа над миром, который требовал, чтобы она всегда опаздывала.

На лестнице она машинально обошла седьмую ступеньку — та скрипела так громко, что будила поварёнка в чулане под лестницей. Двенадцатая шаталась, и Элис перешагнула через неё, не глядя, как через яму на дороге, которую знаешь с детства. Она спускалась в полной темноте, не зажигая свечи. Свет не нужен. Она знала каждую ступеньку. Как каждый изъян в себе, который прятала от чужих глаз.

Она не всегда была такой. В деревне у реки, давно, она бегала босиком по траве и не думала о том, как опустить глаза, чтобы никто не заметил их слабого свечения в темноте. Мать была человеком, отец — кем-то другим. Она не знала, кем именно. Знала только, что от него ей достались глаза, которые видели в темноте, и странная тяга к травам, которые никто не выращивал. Этот дар чуть не убил её.

Три года назад в деревню пришли люди герцога. Искали ведьм. Мать обвинили в колдовстве и без особых разбирательств сожгли на костре. А Элис, двенадцатилетнюю девочку, отправили в замок — работать на кухню, искупать вину перед богом и людьми. Она не знала, что сделала не так. Знала только, что нельзя больше светиться в темноте.

Она опускала глаза. И никогда не ходила без лампы.

Кухня встретила её жаром. Печь уже горела — старый Мартин, хромой повар, вставал затемно, чтобы растопить её и поставить тесто. Элис никогда не видела его за этим делом. Он исчезал в свою каморку за пять минут до её прихода, оставляя гору работы и молчание. Она не спрашивала. На

кухне не задавали лишних вопросов. Первое правило, которое она выучила здесь, и она повторяла его каждое утро, как молитву.

Она подошла к квашне. Деревянная, огромная, с ободранными краями, она стояла в углу у печи. От неё пахло жизнью — кислый, терпкий запах стартера, от которого ноздри раздуваются, а желудок сжимается в предвкушении. Элис откинула влажное полотенце и запустила руки в тесто.

Оно было холодным, липким, чуть щекочущимся, как живое. Она месила, отбивала о доску, складывала конвертом и снова месила. Тесто дышало под пальцами — единственное, что можно контролировать. Каждое движение отработанное, точное, без лишних усилий. Мука на ладонях смешивалась с потом, кожа на кончиках пальцев становилась шершавой, как у человека, работавшего руками всю жизнь. Элис любила это ощущение. Оно говорило: ты здесь. Ты нужна.

Рядом на подоконнике, в глиняном горшке, росла мята. Элис сорвала два листка, растёрла между пальцами, поднесла к носу. Ментоловый холодок ударил в ноздри — резкий, чистый, как утренний ветер. Вдохнула глубже, чувствуя, как просыпается голова. На языке остался горьковато-свежий привкус. Она сглотнула и вернулась к тесту.

Из-за двери донеслись голоса. Две служанки мыли полы в большом зале, шептались про нового конюха. Элис не прислушивалась. Сплетни — яд, который отравляет даже тех, кто не пьёт его. Три года назад, когда она только появилась в

замке, сплетня чуть не отправила её на костёр. Кто-то шепнул, что у неё светятся глаза в темноте. Элис тогда сказала — отражение свечи. Поверили. Или сделали вид, что поверили, потому что она хорошо готовила.

Она поставила чугунную сковороду на открытый огонь. Чугун прогревался медленно — тепло перебиралось из огня в металл, от рукоятки к центру, воздух над сковородой начинал дрожать. Она плеснула масла. Оно зашипело, застреляло мелкими каплями, и запах ореха поплыл по кухне.

Тесто шлёпнулось на раскалённое дно. Шипение разорвало утреннюю тишину. Элис улыбнулась — всегда в этот момент, когда хлеб касался сковороды, и мир сужался до плиты, до теста, до тепла.

Где-то в замке залаляли гончие. Герцог вставал рано, псари уже выводили собак на утреннюю прогулку. Скоро весь дом зашевелится, как муравейник, начнутся заказы, капризы, требования. Но у Элис было ещё полчаса тишины. Полчаса, когда можно не думать о том, что прячешь.

Она перевернула лепёшку — та шлёпнулась о чугун звонко, плотно. Вторая сторона подрумянивалась, пузырилась, пахла хлебом, которому предстояло стать завтраком. Элис провела пальцем по краю сковороды — обожглась, но не отёрнула руку. Боль приятная. Настоящая. Она помогала чувствовать себя живой, когда всё внутри казалось чужим.

В углу кухни, под чистым белым полотенцем, лежал гримуар.

Она не смотрела на него. Заставила себя не смотреть. Если отвернуться от сковороды хотя бы на секунду, книга при-тянет взгляд. И тогда — что-то случится. Что-то, чего нельзя остановить.

Она нашла его три дня назад, когда спустилась в подвал за мукой. Кожаный переплёт, потёртые углы, без названия. Открыла на первой странице, прочитала первые строки: «Возьми желание и замеси его в тесто» — и захлопнула, словно обожглась. Сунула в мешок с мукой, принесла на кухню, спрятала под полотенце.

Не перечитывала. Не хотела знать, что там написано.

Но по ночам, когда замок затихал, книга шелестела страницами. Тихо, почти неслышно, как мышка в стене. И звала. Не голосом — чем-то более глубоким, тёмным и тягучим, как патока.

— Ты просто хлеб, — сказала Элис лепёшке, которая поднималась на сковороде, пузырясь золотистой корочкой. — Просто утро.

Сковорода зашипела в ответ. В углу гримуар молчал. Но он слышал.

Она сняла кастрюлю с бульоном с края печи — он томился с вечера. Сняла крышку, вдохнула. Пар ударил в лицо — влажный, мясной, с оттенком дыма и вываренной кости. Зачерпнула ложкой, дунула, глотнула. Первый вкус обжёг губы, но она не остановилась. Солёный, густой, с горчинкой, которая оставалась на языке, даже когда она проглотила. Внутри

разливалось тепло — плотное, как обещание выжить. Бульон правильный. В нём нет магии. Только соль, кости и время.

За дверью служанки замолчали. Шаги. Тяжёлые, медленные, уверенные. Главный дворецкий. Он шёл на кухню — скоро проснутся хозяева, начнётся суэта.

Элис быстро разрезала лепёшку на четыре части, положила на тарелку, накрыла чистым полотенцем. Бульон разлила по двум мискам — одну для Мартина, вторую для себя. Работала быстро, привычно, без лишних движений. Она умела только это. Готовить. Скрываться. Ждать.

Но гримуар под полотенцем всё шелестел. Настанет день — она откроет его снова. И этот день будет не таким, как все остальные.

Дверь распахнулась. На пороге стоял дворецкий — высокий, сухой, с лицом, никогда не выражавшим эмоций. Он смотрел на Элис, как на вещь. Голос — пустой, как камень.

— Герцог требует завтрак в свои покои. Лично от тебя. И чтобы было не так, как вчера.

Элис сглотнула. Вчерашний завтрак герцог отправил обратно — суп холодный. Не проверка умений. Проверка терпения. Герцог любил давить, заставлять ошибаться, а потом наказывать.

— Будет готово через час, — ответила она, опуская глаза.

Дворецкий вышел, не закрыв дверь. Сквозняк метнулся по кухне, закрутил муку на столе, шевельнул полотенце в углу.

На секунду показалось — гримуар открылся сам собой.

Она не обернулась. Она подошла к печи, взяла свежую сковороду и начала готовить. Сосредоточиться. Не думать о книге. Выжить ещё один день.

На языке остался привкус дыма. Слишком похожий на тот, что остаётся, когда сгорает что-то важное. Как сгорела её мать. Как может сгореть она сама, если кто-то узнает правду.

Глава 2. Гримуар, который нельзя было открывать.

Элис не смотрела на книгу весь день.

Она оставила её под полотенцем в углу кухни и делала вид, что её не существует. Подавала завтрак герцогу — тот съел всё и не сказал ни слова. Лучше, чем похвала. Похвала означает внимание. Внимание — опасность.

Она убирала посуду, чистила картофель, резала лук. Каждый раз, проходя мимо угла, заставляла себя смотреть в другую сторону. Если не смотреть — исчезнет. Как плохой сон. Как прошлое.

Книга не исчезала.

К вечеру, когда кухня опустела и только Мартин молча перебирал сушёные травы в кладовой, Элис подошла к столу. Стояла перед свёрнутым полотенцем, будто под ним лежала змея. Глупо. Просто книга. Кожаный переплёт, старые страницы, выцветшие чернила. Ничего опасного.

Она откинула полотенце.

Гримуар лежал на столе, тускло поблёскивая потёртыми углами. Кожа тёмно-коричневая, почти чёрная, с глубокими царапинами — следы когтей. Или ногтей. На обложке ни названия, ни символов. Только тиснёный узор по краям — виноградная лоза, вившаяся вокруг пустого центра, будто жда-

ла, что его заполняют.

Элис провела пальцем по переплёту. Кожа холоднее, чем следовало быть в тёплой кухне. Отдернула руку. Но книгу уже открыла.

Первая страница — чистая. Посередине — одна фраза бледным выцветшим почерком:

«Тот, кто прочитает это, уже выбрал».

Элис сглотнула. Она не выбирала. Просто нашла книгу в подвале. Просто хотела посмотреть, что внутри. Не знала, что это за выбор. И кто сделал его за неё.

Перевернула страницу.

Дальше — рецепты. Но не те, которые знала. Не те, которым учила мать — как месить хлеб, чтобы он был мягким, как добавлять мяту в чай, чтобы он лечил головную боль. Другие. Они требовали не муки, масла и яиц. Они требовали чувств. Страх. Надежды. Злости. Любви.

Она прочитала названия: «Пирог храбрости», «Суп откровения», «Торт последней правды». Ингредиенты — странные: «капля лжи», «горсть сожалений», «слеза радости». Как можно добавить слезу в тесто? Она не хотела знать.

Элис закрыла книгу, отодвинула на край стола.

В каморке она не спала всю ночь. Лежала, глядя в темноту. Слышала — внизу, на кухне, кто-то перелистывает страницы. Шелест тихий, почти невесомый, но просачивался сквозь пол, заползал в уши, как шёпот. Она зажала уши руками. Бесполезно. Он звучал внутри.

На следующий день она убрала гримуар под кровать. Задвинула в самый тёмный угол, за сундук с тряпьем. Притворилась, что забыла. Пекла хлеб, варила супы, резала овощи. Но стоило хоть на секунду отвлечься от рабочего процесса, книга притягивала взгляд, как магнит — железо.

Колокольчик звенел. Слуги бегали. Элис готовила.

Через два дня к ней подошёл Тим.

Поварёнок — маленький, худой, с вечно дрожащими руками. Двенадцать лет, а выглядит на десять. Боялся всего: громких звуков, хозяев, темноты, даже Мартина, хотя старый повар никогда не повышал голоса. Она знала, почему Тим боится. У него украли детство — продали в замок за долги отца. Она не спрашивала. Просто давала кусок хлеба, когда он трясся от холода. Единственное, что могла дать.

— Завтра герцог будет обедать на кухне, — сказал Тим. Голос дрожал, как лист на ветру. — Он хочет посмотреть, как готовят. Я должен подавать суп. Я не могу.

Элис посмотрела на него. Руки тряслись так, что ложка звенела о край миски. В глазах — слёзы. Маленький, испуганный, совсем один. Это чувство было ей знакомо. Она жила с ним три года.

— Я помогу тебе, — сказала она. И удивилась собственным словам.

В ту ночь Элис не спала.

Сидела на кровати, обхватив колени, смотрела в стену. Нельзя использовать магию. Нельзя вмешиваться в судьбы

людей. За такие вещи жгут на костре. Но она не могла смотреть на Тима, который трясся над супом и шептал: «Я не могу».

Гримуар — под кроватью. Достала, провела по холодной коже. Открыла на той странице — «Пирог для храбрости». Ингредиенты простые: мука, масло, яйца, корень имбиря. И одна строка в конце: «Добавь каплю страха, взятого у того, кто боится».

Безумие. Магия не работает так, как в сказках. Нельзя брать чужой страх, как нельзя брать чужую жизнь. Но она вспомнила глаза Тима. И глаза своей матери, когда её вели на костёр.

Она спустилась на кухню, пока все спали. Замесила тесто. Руки двигались сами — быстро, уверенно, будто делали это тысячу раз. Мука, масло, яйца, тёртый имбирь. Скатала шар, завернула в полотенце, оставила подходить. Поднялась в каморку, где спал Тим.

Села на край его кровати. Мальчик спал, свернувшись калачиком. Дыхание неровное, как у загнанного зверька. Элис прикоснулась пальцами к его виску. Прошептала:

— Отдай мне свой страх. Ты не будешь помнить.

Не знала, сработает ли. Не знала, имеет ли право. Но по пальцам пробежал холод. Липкий, тягучий, как мёд — только на вкус как горечь полыни. Она впитала его в ладонь, зажала в кулаке, спустилась обратно на кухню.

Добавила холод в тесто. Испекла пирог — золотистый,

хрустящий, пахнувший имбирём и чем-то сладковатым, что она не могла узнать. Оставила на столе. Ушла спать.

Утром Тим съел кусок.

Когда он подавал суп герцогу, руки не тряслись. Голос ровный. Он не смотрел в пол — смотрел на герцога, как на равного. Герцог не заметил. Или сделал вид. Ему было всё равно на маленького поварёнка.

Элис стояла в углу. Внутри — что-то чужое. Липкий страх Тима бился под рёбрами, сжимал горло, мешал дышать. Она сглотнула. Он не уходил.

На языке — горький привкус. Как от давно испорченной еды. Плата. Она забрала чужой страх — теперь он стал её собственным.

Можно ли отдать его обратно? Будет ли он расти, заполняя её изнутри, как плесень — старый хлеб? Она не знала. Знала только, что Тим больше не боится. И это было важнее.

Вечером она снова открыла гримуар. Внизу страницы появилась новая запись, которой раньше не было:

«Страх, взятый у другого, удваивается в том, кто его забрал. Ты отдашь его, когда решишься на второй шаг. Или он сожрёт тебя».

Элис закрыла книгу. В груди горел чужой страх. Она сделала первый шаг. Обратной дороги нет.

Глава 3. Первая кровь и первый заказ.

Через три дня после пирога герцог вызвал Элис.

Она стояла в его кабинете, опустив глаза, и чувствовала, как уходит пол из-под ног. Ковёр мягкий, толстый, с длинным ворсом — пальцы ног утопают, даже в башмаках. Воздух пах воском, старой бумагой и чем-то резким, похожим на можжевельник. И ещё — металлом. Запах крови. Герцог не был ранен, но Элис слышала этот запах в его кабинете всегда. Она не знала, откуда он берётся. И не хотела знать.

Герцог сидел за огромным дубовым столом, заваленным бумагами. Не смотрел на неё. Читал письмо. Лицо непроницаемое, как каменная стена. Молчал. Заставлял ждать — наказание. Герцог любил давить, заставлять нервничать, потом наблюдать страх.

Элис стояла, считая удары сердца. Дышала ровно. Опустив глаза. Нельзя показывать страх. Страх — слабость. Слабость — смерть.

— Твой пирог, — сказал герцог, откладывая письмо. — Поварёнок стал смелым в один день. Ты добавила что-то особенное?

Озноб пробежал по спине. Ей казалось — он знает. Смотрит в душу, видит гримуар, видит страх, запертый внутри.

Но она не подняла глаз. Смотрела на свои руки, сложенные перед собой. Дышала ровно.

— Только хорошее настроение, милорд. Имбирь бодрит, мята успокаивает. Может быть, он просто выспался.

Герцог усмехнулся — коротко, сухо, без тепла. Как пощёчина.

— Хочешь сказать, у тебя есть секрет, который делает твою еду убедительной. Я вижу лица слуг, когда ты проходишь. Они боятся тебя. Или уважают. Не знаю, что именно. Но знаю: ты не просто повариха.

Элис молчала. Всё, что она могла сказать, — ложь. А ложь она теперь чувствовала за версту — как запах прокисшего молока. И герцог тоже чувствовал ложь. Слишком острый. Слишком внимательный.

Он поднялся из-за стола, подошёл к окну. Стоял спиной. Смотрел на двор, где псари выводили лошадей. Силуэт высокий, тёмный, как башня. Молчал несколько секунд. Это молчание давило сильнее слов.

— Ты переходишь в мои личные поварихи, — сказал он, не оборачиваясь. — С завтрашнего дня готовишь для меня и моих гостей. Если твоя еда будет такой же убедительной — получишь комнату в главном крыле. Если нет — вернёшься в подвал, и мы больше не будем говорить.

Элис замерла. Личный повар герцога — не повышение. Клетка. Она будет видеть его каждый день, стоять рядом, подавать блюда. Там, где светятся глаза, которые не должны

светиться. Где каждое движение на виду.

Но там же можно слышать. Видеть. Понимать, кто на самом деле правит этим замком. Что скрывается за стенами. Почему слуги умирают от странной болезни, а герцог ничего не делает.

— Благодарю, милорд, — сказала она, опуская голову ниже. — Я не подведу вас.

Герцог не ответил. Смотрел в окно. Молчал.

Элис поклонилась, вышла. На лестнице, за закрытой дверью, прижалась спиной к холодной каменной стене. Закрыла глаза. Сердце колотилось в горле. На языке — вкус дыма. Не страх. Предвкушение.

Вернувшись в каморку, она достала гримуар из-под кровати. Провела пальцем по кожаной обложке. Прошептала:

— Я не знаю, кто ты и откуда. Ты пришла ко мне не случайно. Я буду использовать тебя. Но не буду твоей рабыней.

Глава 4. Кухня как шпионский пост.

Новая кухня оказалась меньше, но лучше. Элис получила отдельное помещение в западном крыле — маленькое, тёплое, с высоким окном, выходящим в сад. Новые ножи, не шатающиеся в рукоятках. Медные кастрюли, блестящие, как зеркала. Специи, о которых она раньше только мечтала: чёрный перец, корица, гвоздика, шафран. Она потрогала пальцами — на кончиках остался маслянистый след. Богатство, которого у неё никогда не было.

У неё появилась помощница. Девочка Лина, лет четырнадцать. Молчаливая, быстрая, как мышка. Не задавала вопросов — главное качество. Элис поняла: Лина тоже что-то скрывает. Такие же руки — мозолистые, обожжённые, с тёмными пятнами от горячих сковород. Она умела работать. И умела молчать.

— Будешь резать овощи, — сказала Элис. — И не задавать вопросов.

Лина кивнула.

В первый же день герцог заказал ужин на двенадцать персон. Элис прочитала список гостей — холодок пробежал по спине. Граф Олдрич, худой, землистый, с дрожащими пальцами. Баронесса Фрея, пышная, накрашенная, с напряжён-

ными плечами. Посол из соседнего королевства, лорд Винсент, громкий и бегающий глазами. И лорд Эдвард — правая рука герцога. Тот, о ком шептались слуги. Тот, кто не пил вино и не смеялся. Тот, на кого боялись смотреть.

Элис готовила весь день. Без магии. Просто то, что умела лучше всего: резала, жарила, варила, пробовала, добавляла соль и специи, мешала, взбивала. Каждое блюдо — маленькое произведение искусства. Каждое блюдо — оружие.

Когда она подавала суп, она не просто ставила тарелку. Она смотрела. Граф Олдрич добавил в бульон кровь. Не вино — кровь. Болен. Или что-то скрывает. Бледность, дрожь в руках, запах лекарств. Он умирал. Или его травили.

Баронесса Фрея заказала рыбу, но не притронулась. Рука легла на живот — беременна. И не от мужа. Она украдкой смотрела на лорда Эдварда. Лицо бледнело, когда он поворачивался к ней.

Посол лорд Винсент пил много вина, говорил о войне. Громко, но глаза бегали. Он знал больше, чем говорил. Дважды перечитал письмо, принесённое во время ужина. Руки дрожали, когда он прятал его в карман.

Лорд Эдвард молчал. Сидел в конце стола, лицо в тени. Смотрел на всех внимательно, цепко, как хищник. Не пил, не ел — только слегка касался бокала. От него исходил холод. Она знала этот холод — холод смерти.

Она вышла из зала с подносом, остановилась у двери. Глубокий вдох. Она узнала о каждом из них больше, чем они

хотели бы. Их слабости, страхи, секреты — не через магию, а через еду. Что они ели и как ели. Кухня стала её шпионским постом.

Вернувшись, она открыла гримуар. Пролистала до главы «Рецепты для расследования». Книга сама нашла нужную страницу.

«Пирог откровения» — прочитала она. Ингредиенты: мука, мёд, орехи, «собственное желание говорить правду» и «капля лжи того, кто врёт». Внизу приписка: «Плата — ты потеряешь право на свою ложь на один день».

Элис захлопнула книгу. Не сейчас. Если использовать этот рецепт, герцог или кто-то ещё сможет читать её мысли. Станет уязвимой. Но слуги внизу умирали от сонной болезни — никто не останавливал это. Она слышала, как они кашляют в темноте, как дыхание становится всё реже, как глаза закрываются навсегда.

Она прошептала:

— Я сделаю это. Но не сегодня. Мне нужно знать, кто из них врёт.

Она убрала гримуар под подушку. Легла спать. Сон не приходил. В комнате Лины тихо плакала девочка. В коридоре кашлял слуга. Время уходило.

Глава 5. Пирог, который открывает рты.

Элис откладывала пирог целую неделю.

Каждый вечер она открывала гримуар и перечитывала рецепт. Знала: это опасно. Плата — потеря права на ложь на один день — может быть смертельной. Если кто-то спросит, кто она, придётся сказать правду. Что она полукровка. Что у неё светятся глаза. Что она колдует.

Но слуги продолжали умирать. Каждое утро Лина приходила с бледным лицом: ещё один работник не проснулся. Сонная болезнь распространялась. Герцог не реагировал — только заказывал всё больше еды, и его гости смеялись за ужином, пока внизу умирали люди.

В пятую ночь Элис решилась. Она выбрала лорда Эдварда. Главный подозреваемый. Самый опасный. Если заставить его солгать во сне, она сможет забрать эту ложь и испечь пирог, который раскроет все карты.

Ночью она пробралась в его комнату. Босиком по холодному камню, лампа под полкой плаща, чтобы свет не пробивался наружу. Замок спал, но каждая тень, казалось, следила. Она обходила стражников, замирала в нишах. Сердце колотилось.

Дверь в спальню открылась бесшумно. Он спал — на спи-

не, дыхание ровное, лицо расслабленное. Она подошла к кровати, встала над ним. Рука дрожала, когда она коснулась его виска. Если проснётся — схватит, позовёт стражу. Но он не проснулся.

— Скажи мне ложь, — прошептала она. — Самую главную ложь, которую ты говоришь каждому.

Лорд Эдвард не проснулся. Его губы зашевелились:

— Я не знаю, кто отравил колодец. Я не имею к этому отношения. Это сделал кто-то другой.

Холодный горький комок впитался в ладонь. Она зажала его в кулаке, как уголь, который жжёт, и тихо удалилась из комнаты.

На кухне замесила тесто. Добавила ложь в пирог. Испекла.

На следующее утро подала его на стол герцога. Стояла за дверью, когда лорд Эдвард отломил кусок и положил в рот. Его лицо расслабилось, а потом изменилось — он хотел сказать одно, но сказал другое.

— Боже, какой вкусный пирог. Я ещё никогда такого не пробовал.

Герцог усмехнулся:

— Хочешь ещё?

— Конечно, — ответил лорд Эдвард, и его глаза расширились.

Он не хотел этого говорить. Хотел сказать «нет», но слова вырвались сами — тягучие, липкие, как мёд. Он не мог их остановить.

— Я отравил колодец. Я хотел убить герцога, но ошибся. Отравил источник в саду.

Тишина повисла в зале. Все смотрели на него. Лицо белое, как мука. Граф Олдрич поперхнулся вином. Баронесса Фрея закрыла рот рукой. Герцог медленно повернулся к лорду Эдварду. Лицо каменное, но в глазах — не гнев. Не удивление. Подтверждение.

— Арестовать его, — сказал герцог.

Стража шагнула к лорду Эдварду.

Элис выдохнула. Сделала. Спасла слуг. Раскрыла заговор.

Но когда она вернулась на кухню, гримуар лежал на столе открытым. Там, где был рецепт «Пирога откровения», появился новый — «Зеркало души». Внизу приписка: «Плата за раскрытие — твоя собственная анонимность. Тот, кто узнает правду, сможет увидеть твою душу. И увидит, кто ты на самом деле».

Элис закрыла книгу, сунула под подушку. Внутри билась ложь лорда Эдварда. Теперь она — та, кто носит эту ложь. Она знала: завтра герцог вызовет её. Спросит, откуда она узнала правду.

У неё не будет ответа. Только правда, которую она не сможет скрыть.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.